

A stylized illustration of Rosa Luxemburg, a Polish Marxist revolutionary. She is depicted from the chest up, smiling, with her dark hair styled in a bun. She wears a white high-collared blouse with a black lace shawl draped over her shoulders. A red star badge is pinned to her left chest. In the background, two red pencils with gold tips are visible on the left, and a red carnation flower is on the right. The overall style is reminiscent of mid-20th-century political posters.

СИЛА
МЫСЛИ

РОЗА
ЛЮКСЕМБУРГ

ФЕМИНИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

И МИРОВАЯ ВОЙНА

Сила мысли

Роза Люксембург

**Феминистская революция
и мировая война**

«Алисторус»

УДК 141.72
ББК 66.74

Люксембург Р.

Феминистская революция и мировая война / Р. Люксембург —
«Алисторус», — (Сила мысли)

ISBN 978-5-00269-515-7

Роза Люксембург - одна из наиболее выдающихся мыслительниц и революционерок начала XX века. В этой книге она рассуждает о том, как милитаризм связан с патриархатом, капитализмом и государством, анализирует причины Первой Мировой войны и распада довоенной социал-демократии. По мнению Розы Люксембург, именно феминистская революция способна освободить трудящихся, способствовать прекращению войн и закончить эпоху классового угнетения. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 141.72
ББК 66.74

ISBN 978-5-00269-515-7

© Люксембург Р.
© Алисторус

Содержание

Кризис социал-демократии	7
I	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Роза Люксембург

Феминистская революция и мировая война

© ООО «Издательство Родина», 2026

Роза Люксембург

Кризис социал-демократии

Предисловие ко второму изданию

Выпущенная в свое время под псевдонимом Юниуса брошюра Розы Люксембург имеет свою историю и сама является частицей истории: отчасти благодаря обстоятельствам, при которых она появилась, отчасти благодаря той частице действительности, которую она так кристаллически-ярко отразила.

Роза Люксембург написала свою брошюру в апреле 1915 г. За несколько недель перед этим она была водворена в "Королевскую Прусскую Женскую тюрьму", на Барнимштрассе в Берлине. Там она должна была отбыть год заключения, к которому она была приговорена судебной палатой во Франкфурте на Майне перед началом войны, в феврале 1914 года за свою смелую борьбу против милитаризма. В ее борьбе, осуждении и печальном эпилоге, в зародыше заключалось все то, что вскоре затем показало себя воочию ясное понимание Розой Люксембург надвигающейся империалистической грозы и необходимости для пролетариата с величайшей энергией беззаветно броситься на борьбу с ней; смелость и самопожертвование, с которым она во имя интернационального социализма вела борьбу против врага; острый капиталистический классовый инстинкт, с которым буржуазный мир, беззастенчиво пользуется всеми средствами для защиты милитаризма и которому историческое развитие, придало особенную изобретательность, направленную к сохранению капитализма во что бы то ни стало; позорная капитуляция немецкой социал-демократии, вернее ее прошлого, перед милитаризмом и империализмом!

Действительно: широкие пролетарские массы горели желанием вступить в борьбу против милитаризма и империализма. Если их классовое сознание не знало еще ясно своего смертельного врага, то их здоровое классовое чутье угадывало, подозревало его. И как светом прожектора был ярко освещен на их горизонте милитаризм в его исторической сущности, благодаря осуждению Розы Люксембург за высказанное этим смелым вождем убеждение, — что пролетариат не должен повиноваться приказанию идти на убийство своих братьев других национальностей. Потрясающее, подхлестывающее действие обвинительной речи еще более усугублялось речью (Розы) перед Франкфуртским судом, классическим образцом политической защиты, ставящей на место мелочного юридического рассмотрения вины, наказания и меры наказания — борьбу за твердо и научно обоснованными идеал социализма. Могучая волна решительного боевого настроения поднялась в пролетарских массах. Было очевидной обязанностью для всякой хоть сколько-нибудь предусмотрительной политически руководящей верхушки социал-демократии использовать, поднять это боевое настроение, чтобы дать большую битву милитаризму и империализму, чтобы нанести им тягчайший удар. Но руководящая верхушка социал-демократии снова с очевидностью показала, что по своим взглядам она далеко не стоит на несокрушимой сторожевой башне этого принципиального марксистского понимания, дающего правильный взгляд на факты и их развитие и делающего возможным верное на правление познания, воли и поступков.

И при существовавшем положении она предъявила свое свидетельство о бедности, свидетельство о том, что у нее отсутствовало решительно все необходимое для настоящего политического руководства. Она отказалась от необходимого, очевидного и вполне осуществимого — от превращения разразившихся повсюду со стихийной силой выступлений протеста против приговора франкфуртской судебной палаты в объединенное могучее массовое движение против империализма и милитаризма. Партийные вожди выступили со своим: "Назад! назад! дон Родриго!", как с гордой клятвой социал-демократии. Они старались задушить начавшееся, без их услуг, движение. И это в атмосфере горячего возмущения не только по поводу суда над

Люксембург, но по поводу триумфа сабли в скандальном процессе против "маленького лейтенанта" Форстнер-Цаберн, по поводу кровавого приговора Эрфуртского военного суда, осуждавшего на долгое заключение каждого рабочего за самые мельчайшие повинности, по поводу многочисленных и ужасающих случаев дурного обращения с солдатами, которые, благодаря предстоящему второму процессу против Розы Люксембург, должны были появиться перед светом гласности из темных карцеров казарм и солдатских камер – если не изменяет память, свидетелями по этому процессу вызывалось до 30.000 потерпевших солдат.

Но конечно! К этому времени быстро прогрессирующая кретинизация и обуржуазивание социал-демократии, а также ее смертельный страх перед массовым движением привели уже к сложению оружия перед милитаризмом и империализмом; лишь с помощью активного и пассивного соучастия социал-демократической фракции рейхстага и всей социал-демократии в целом могло произойти то, что в 1913 году на политической арене мог пройти с успехом чудовищный обман "юбилейного подарка миролюбивому королю Вильгельму II", что правительство смогло без помехи приготовить империалистическую «предупредительную» войну 1914 года с ее вооружением и колоссальным увеличением войск, на что было потребовано и получено одобрение, и с миллиардным военным займом – первым военным кредитом для планомерного победного шествия немецкого капитала через Балканы в Багдад и др. "места под солнцем". Фракция рейхстага облегчила буржуазной оппозиции утвердительный кивок на военные вооружения. Она дала свое благословение на военные кредиты и увеличение государственного подоходного налога под предлогом обременения одних имущих. Она помчалась за дурачки выряженным чучелом "новоориентирующей финансовой политики" и предоставила на произвол судьбы борьбу с крепким, закованным в железо империализмом.

Поступки и попустительства фракции в рейхстаге оказались решающими для поведения всей партии, за исключением немногих активных и критически мыслящих кружков. Социал-демократия не сумела отразить массовым действием наглое нападение властолюбивого империализма.

Таким образом, создавалась, с одной стороны, уверенность в своей победе и безопасности у милитаристических и империалистических кругов, не боявшихся вмешательства пролетарских масс в осуществление своих планов, с другой стороны, парализующая инертность в рядах самих этих масс, даже разоружение перед лицом угрожающей опасности. Коротко говоря, социал-демократия допустила образование той атмосферы военщины, которая в 1914 году подавляла все политические и моральные протесты рабочего класса против преступной войны. Не надо забывать, что в то время в социал-демократии царила политика центра, тактику которого Карл Каутский старательно пытается представить в наши дни пролетариату, как необходимое условие его победы. Не надо забывать, что как раз этот проповедник "чистого марксизма" построил своей совершенно не марксистской теорией о налогах тот ослиный мост, по которому фракция рейхстага пришла к соглашению на военный заем и на повышение государственного подоходного налога. При существовавших условиях партийные верхи, хотя бы перепрыгнув через собственную тень, должны были употреблять все усилия, чтобы использовать для серьезной борьбы против империализма и милитаризма настроение масс, создавшееся вследствие франкфуртского приговора. Позорное банкротство социал-демократии в августе 1914 года наложило свою печать на все события, приведшие в феврале 1915 года в тюрьму Розу Люксембург, а также и на все связанные с ними и последовавшие за ними; однако, этой горячей сторонницей коммунизма все же была начата убежденная и самоотверженная борьба против внутреннего упадка.

После первой отсрочки наказания, Роза Люксембург была поразительно быстро взята под арест. Не было обращено внимание на то, что она несомненно не оправилась еще от последствий тяжелой болезни и что врачи опасались серьезного вреда для ее здоровья от тюремного режима. Почему буржуазному обществу было так необходимо выполнение этого при-

говора? В то время привратники тюрем и смиренных домов открыли свои двери перед ворами, обманщиками, растлителями, банкротами, клятвопреступниками и убийцами. Империалистическая бойня в целях сохранения и поддержания капиталистического, эксплуататорского господства в Германии сделала чистыми, как снег тех, которые хотя и погрешили против закона буржуазного общества, но оставались все же, в своих преступлениях, истинными детьми этого общества. Роза Люксембург была его противницей. Третьи противницей, т. е. и после начала войны с ее уст звучал всемирный Интернационал вместо "Германия, Германия, превыше всего", распеваемого социал-демократией. Тюрьма в гораздо меньшей степени была возмездием за прежнее "преступное деяние" и в гораздо большей степени оковами для бойца в настоящем. Ибо Роза Люксембург с первого же дня мобилизации отдалась борьбе против империализма и его чудовищного преступления. Как только стало известно вотирование фракцией рейхстага военных кредитов, Роза Люксембург вместе с немногими друзьями подняла знамя восстания против предательства Интернационала и социализма. Два обстоятельства помешали этому восстанию достигнуть широчайшей известности. Борьба должна была начаться против вотирования социал-демократами военных кредитов и должна была вестись таким образом, чтобы не быть задавленной прижимками и ухищрениями осадного положения и цензуры. Кроме того и прежде всего, она несомненно имела бы значение лишь в том случае, если бы протест был заявлен значительным количеством видных социал-демократических борцов. Мы стремились обставить дело так, чтобы с протестом солидаризировалось возможно больше руководящих товарищей, которые выступали бы во фракции и в партийных кругах с резкой, уничтожающей критикой политики 4-го августа. Предприятие это стоило большой головоломки, большого количества бумаги, писем, телеграмм и дорогого времени, но результат его оказался далеко не соответствующим затраченным трудам. Из всех горячих на словах критиков социал-демократического большинства лишь Карл Либкнехт с Розой Люксембург и Франц Меринг вместе со мной отважились выступить против подавляющего волю и убеждения идола партийной дисциплины.

Понятно, что дни кажущегося затишья были не чем иным, как временем горячего вооружения для борьбы со смертельным врагом грудь с грудью. Роза Люксембург была вдохновительницей этого вооружения и борьбы. Ее ясное историческое мировоззрение показывало сомневающимся, неуверенным, в хаосе кровавого тумана мировой войны, ясную дорогу достижения социализма. Ее бурная, никогда не ослабевающая энергия подстегивала уставших и унывающих, ее мужественная, самоотверженная смелость заставляла стыдиться пугливых и робких. Смелый дух, горячее сердце, сильная воля «маленькой» Розы Люксембург были могучей двигающей силой небольшого знамени верных, которые во имя международного социализма бросились на борьбу с преступной мировой войной и ее роковыми спутниками – социал-патриотизмом и гражданским миром. Ни болезнь, ни осадное положение, даже ни самое тяжелое – подавляющая отчужденность масс – не могли помешать Розе Люксембург бороться словом и пером с националистическим военным социализмом социал-демократического большинства и с шаткой в своем основании, медлительной оппозицией, которая начала группироваться вокруг Каутского и фракционного меньшинства, за душу и сочувствие немецкого пролетариата. Целью ее страстного стремления было – привести пролетариат на почве ясного, всеобъемлющего, обоснованного миропонимания к международному социализму, поставить его, как сознательного классового борца, против империализма, довести классовую борьбу пролетариата до той напряженности, которую требовало существующее историческое положение.

Роза Люксембург почти закончила первый номер «Интернационала», когда наступил момент ее ареста. Это было накануне нашей совместной поездки в Голландию, где мы готовили намеченную Интернационалом конференцию женщин-социалисток и, вообще, крепче затягивали нити интернационального объединения, стремясь как можно тесней связать наши международные связи. Вместо того, чтобы переехать с Розой голландскую границу, я должна

была теперь навестить Розу в тюрьме на Барнимштрассе. Отбывание наказания, подобно разящей молнии, разбило боевые планы ближайшего времени. Но Роза Люксембург не позволила аресту быть минутой отдыха для ее врага. Она не могла бороться. Упрямо, смело ответила она на постигшее ее насилие. Действительно, ее неукротимая воля превратила место жестокого заключения в место духовной свободы. Работы политического характера были ей строго запрещены. Потихоньку с большими трудностями, под строгим наблюдением надзирающего глазка излагала она под видом дозволенных научных и литературных занятий свои глубокие, основные расхождения с социал-демократией, скупко используя на это каждую минуту времени, каждую искру света. Усталость, болезнь исчезали перед силой внутреннего убеждения. Она переносила самое тяжелое, самое мучительное: бесчисленное количество раз приходилось ей прерывать ход своих мыслей, она не была уверена, что не будет захвачена при работе, и что у нее не будет отнята возможность довести свою работу до конца. Окончанием мучительнейшего душевного напряжения была для нее минута, когда, она смогла, наконец, написать заключительное слово в рукописи и последние ее листы, с изобретательностью Одиссея, переправить через верные руки за пределы тюрьмы. Перед воротами женской тюрьмы веял наполненный дымом разрушения воздух мировой войны, смешанный с запахом разложения безудержно разнуздавшегося инстинкта наживы и ростовщичества – почтеннейшего эксплуататора и защитника буржуазного порядка. Бушевало всеми средствами лжи, насилия, низости, доведенное искусственно до белого каления, "стремление к победе". Месяц за месяцем шла социал-демократия по кровавому пути братоубийства, как послушная последовательница заповедей империалистической буржуазии, подражая ей с грубыми вариантами, разбивая все данные клятвы международной солидарности, попирая ногами социалистические идеалы; она стояла, как серая, затаившая дыхание, бесформенная масса, в затхлости и инертности будней, пробежавших над убийствами и преступлениями империализма, вместо того, чтобы противиться ему твердо и сознательно. В стоячем воздухе этого времени появилась брошюра Юниуса, подобная порыву вихря, предсказывающего освежающую грозу.

И она означала гораздо больше. Она уже была частью освежающей грозы самопонимания, когда немецкая социал-демократия, немецкие рабочие начали возвращаться к историческим задачам пролетариата, начали преодолевать в международной классовой борьбе империализм и капитализм, осуществляя социализм. Она ускорила процесс пробуждения пролетариев от социал-патриотического угара войны и гражданской идиллии, процесс собирания, на основе классовой борьбы, вокруг знамени международного социализма. Ясно, твердо, как гранит, научно-обоснованно и глубоко она выражала и направляла чувства, мысли и волю, бродившие уже в пролетарских массах сначала робко и в одиночку, затем все яснее, настойчивее охватывая все более широкие круги этих масс.

Клара Цеткин

Брошюра Юниуса направляла сознание, стремление к действию революционного авангарда немецкого пролетариата, и как раз тех влиятельных кругов, которые являются посредниками широких масс, руководящими ими духовно и политически. Она давала как раз то, что было нужно этим кругам, что требуется авангарду: ясный взгляд на переплетающиеся, перепутывающиеся события дня, ясные перспективы будущего, ясный, определенный лозунг.

Каутский превратился из вождя в соблазненного (игра слов: *Fuhrende-Verfuhrende*). В своей лавчонке «марксистских» формул он не находил ничего годного для оправдания постыд-

ного предательства партийного большинства. За неимением ничего более подходящего, изобрел он известную теорию двух душ социалистического Интернационала, являющегося "орудием для мира, а не для войны" и основные положения которого поэтому соответственно конкретной обстановке гласят: "пролетарии всех стран, соединяйтесь!" или же "пролетарии всех стран, убивайте друг друга"! "Как животное на скудном пастбище", бродил он, колеблясь между веселыми логическими карточными домиками и менторскими словопостроениями, пытаясь оправдаться своим авторитетом в политике 4-го августа. Его поздняя оппозиция была полна противоречий, неправильна в своей основе, слаба. Роза Люксембург в своей брошюре Юниуса вела процесс против этой политики. Последовательно, неумолимо, уничтожая, она доказала, беспримерное в истории, банкротство социал-демократии, и ее доказательствами были не формулы, но события, голые факты. Она отнимала почву у всех легенд и ходячих оправданий социал-патриотизма, и обнажая причины и действующие силы империалистической войны, разоблачала ее сущность и ее цели.

Несмотря на большие трудности, возникшие вследствие ее ареста, Роза Люксембург собрала ценный, законченный материал для своих тезисов. Ее исключительное мастерство в применении исторического материализма, как метода исследования, освещает и располагает этот материал, а ее диалектическое понимание истории наполняет его трепещущей жизнью. Лейтмотив брошюры Юниуса заключается в следующем положении последней главы: история возникновения настоящей войны началась не с июля 1914 года, но десятки лет тому назад, в течение которых с необходимостью естественного закона связывались нити за нитями, пока густая сеть империалистической мировой политики не опутала пять частей света, пока не создался могучий исторический комплекс явлений, корни которого коренятся в пучинах экономического существования, верхние же ветви которого простираются в неясно брезжащий новый мир".

Возникший из капиталистического развития империализм выступает перед нами в своих проявлениях и действиях с грубой беспринципностью и беспощадностью, со своими чудовищными неутолимыми аппетитами, со своими могучими средствами, как вершитель совсем иных чудес, "отличных от египетских пирамид и готических соборов", по выражению коммунистического манифеста. Он придает противоречию, создавшемуся вследствие войны 1870–71 года между Германией и Францией, новое, глубокое содержание, он разрешает старые мировые противоречия политических интересов между европейскими великими державами и создает новые спорные области между ними. Он втягивает Соединенные Штаты и Японию в свой фарватер. Распространяя грязь и кровь, он шагает по земному шару, уничтожая всякую культуру и превращая целые поработанные народы в рабов капитала. В Египте, Ливии, Персии, Китае, на островах и на всех берегах Тихого Океана, на Балканах, полено за поленом, нагромождает международный империализм горячий материал для мирового пожара. Поздно появившийся на свет, но полный предприимчивости немецкий империализм, зажег спровоцированным ультиматумом Сербии 1914 года и превентивной войной горячий материал капиталистической культуры. Неудержимо влекла его жажда миллионов со стороны немецкого финансового капитала, – наиболее сконцентрированного и наилучше организованного финансового капитала всего мира, который мечтал об эксплуатации Турции и Малой Азии, а жажда наживы военной промышленности давала ему преступную свободу, очень слабо обуздываемую самодержцем Вильгельмом II и преступной слабостью буржуазной оппозиции.

Роза Люксембург сумела проследить в своей брошюре с пластической очевидностью империалистический характер войны и ее цели, так же как в своем большом научном сочинении "Аккумуляция капитала" она основательно и остроумно проследила последние корни империализма в их политических разветвлениях. Срывая с войны ее идеологическую оболочку и представляя ее, как голый факт капиталистического предприятия, как торговлю международного капитала жизнью и смертью, она так же беспощадно срывает кусок за куском идеоло-

гические лохмотья социал-демократической политики. В свежей атмосфере научного исследования общих исторических явлений и их взаимоотношений распадаются, подобно истлевшему фитилю, разглагольствования о "борьбе за культуру царизма", о "защите отечества" и т. д. С очевидностью доказывает Роза Люксембург, что в теперешних империалистических кругах совершенно исчезло понятие о решительной, доблестной, патриотической, оборонительной войне. Социал-демократическая военная политика появляется во всем своем отвратительном безобразии банкротства гибнущей обуржуазившейся социал-патриотической рабочей партии, которая продала гордое революционное право первенства пролетариата гораздо дешевле, чем за предлагавшуюся Каутским чечевичную похлебку – за кайзеровскую фразу: "я не знаю партий, я знаю только немцев", за честь вступления в национальные звонари.

Брошюра Юниуса делает выводы относительно долга и значения социалистической самокритики; эти выводы наиболее замечательны из всего, что создано этим чистым и сильным социалистическим чувством и мышлением. Глубокое, пылкое убеждение требует высокой, строгой мерки для наших поступков, как социалистов; с пророческой силой рисует оно великие светозарные перспективы, открываемые социализмом. Приближающийся великий час мирового переворота должен застать великое поколение пролетариата, закалившегося в смене побед и поражений своей революционной борьбы, в огне беспощадной самокритики для триумфа социализма. Конец брошюры Юниуса составляет единое целое с ее началом. Он рассматривает мировую войну, как приготовление дороги для мировой революции. Победа или поражение в этой громадной борьбе влечет за собой, как для борющихся империалистических групп, так и для пролетариата заинтересованных стран, одно и то же следствие – неизбежный крах капиталистического порядка и суд мировой революции над ним. Роза Люксембург писала это в марте и апреле 1915 года. Задолго до того, как мужественный русский пролетариат под решительным руководством большевиков взял в свои руки колокол социалистической революции, задолго до того, как в Германии и в объединенной Гамбургской монархии появились первые слабые предвестники близкой революционной бури. Все, что мы пережили с тех пор, что пережила отчасти и сама Роза Люксембург, свидетельствует о том, как остро и правильно предвидела она в брошюре Юниуса пути исторического развития.

Может быть, как раз по этому поводу тот или иной читатель спросит с сожалением, или с порицанием, почему же не указала она в перспективе на возможность русской революции, почему она не высказалась о средствах и методах борьбы пролетариата в начинающиеся революционные периоды. Конечно, уже в 1915 году могучие очертания революции вырисовывались все яснее и определенней из кипящего хаоса мировой борьбы. Однако, ни один признак не указывал еще на то, где и когда она начнет свое победоносное шествие. Русская революция должна была явиться темой для второй брошюры, план которой Роза Люксембург уже бегло набросала. Но преступление немецкого культурного милитаризма отняло у нас эту уже намеченную работу, которая дала бы нам исследование и оценку методов и приемов борьбы русской революции. Конечно, не на манер Каутского в виде твердой схемы, в которую, как в Прокрустово ложе, укладывается ее развитие. Нет! Изложение Розы Люксембург подобно живому творящему потоку исторического развития: "исторический момент вызывает каждый раз соответствующую форму народного движения и сам создает себе новые, изобретает неизвестные до сих пор средства борьбы, определяет и обогащает арсенал народа, не заботясь о всевозможных предписаниях партий". При революции дело "таким образом, не в забавных предписаниях и рецептах технического характера, но в политическом лозунге, в ясности политических задач, интересов пролетариата". В согласии с этим взглядом Роза Люксембург исследовала в свое время уже испытанный метод революционной борьбы рабочего класса: массовую стачку, которую она первая признала в ее историческом значении "классической формой движения пролетариата во времена революционного брожения". Настоящие события придают ее брошюре, впервые указавшей дорогу для правильной оценки этого метода борьбы, новое, еще большее

значение, они дадут ей миллионы читателей и сочувствующих, миллионы готовых к борьбе и действию.

Брошюра Юниуса является исключительно ценным сокровищем наследства, оставленного Розой Люксембург пролетариату Германии и всего мира в вопросе теории и тактики его освободительного движения; сокровища, блеск которого болезненно напоминает о громадной и незаменимой потере, понесенной нами. Все, что сказано о ней здесь, есть лишь сухое название для целого сада цветущих, ярких, благоухающих цветов. Как будто бы Роза Люксембург, в предчувствии своего близкого конца, довела в брошюре Юниуса до высшего напряжения все силы своего гения: образованный, глубокий, пытливый и независимый ум теоретика, бесстрашную, пылкую страстность убежденного и смелого борца революции, внутреннее богатство и блестящую способность к обобщению непрерывно борющегося человека и художественную способность восприятия. Все прекрасные качества, которыми в избытке одарила ее природа, проявились, когда она писала эту брошюру. Писала... действительно ли только писала? Ах, нет, переживала в глубине своей души. Как в уничтожающей критике социал-демократического предательства, так и в воодушевляющей перспективе раскрепощения и натиска пролетарской революции, в отекающей слов, в стремительности к своей цели, в охватывающих, железом спаянных построениях мысли, в остроумном сарказме, в яркости изображения, в благородном, чистом пафосе, во всем чувствуется, что все это омыто кровью горячего сердца Розы Люксембург, что это говорит стальная воля Розы Люксембург, что здесь все ее существо. Брошюра Юниуса есть выявление крупной человеческой личности, целиком и без остатка отдавшейся большому, величайшему делу. В ней приветствует нас после своей смерти Роза Люксембург, идущая впереди мирового пролетариата, только теперь правильно направляющегося по своему пути страданий в обетованное царство социализма.

Владимир Ленин

В ореоле, окружающем ее имя, выступает другая крупная личность. Она должна быть вызвана из потемок, в которых она скрывается вследствие той скромности, которая является признаком истинного достоинства и самопожертвования личностью на службе идеала. Это

– Лео Йогихес Тышко. В течение 20-ти лет он был связан с Розой Люксембург необычайной общностью идей и борьбы, скрепленной сильнейшей силой: пылкой, пожирающей страстью к революции двух исключительных душ. Немногие знали Лео Йогихеса и лишь немногие из них могли оценить его по достоинству. Он выступал, обыкновенно, как организатор, претворяющий из теории в практику политические идеи Розы Люксембург, но во всяком случае, как организатор первого ранга, как гениальный организатор. Но этого мало. Обладая широким основательным общим образованием, владея научным социализмом, как немногие, с пронизательным диалектически направленным умом, Лео Йогихес был непогрешимым критиком Розы Люксембург и ее дела; временами он был ее бодрствующей теоретической и практической совестью, он часто был также более дальнзорким и более подвижным, тогда как Роза была более пронизательной и впечатлительной. Он был одним из тех, в настоящее время еще очень редких мужчин, которые могут переносить рядом с собой в верном и счастливом товариществе крупную женскую личность, не считая ее существование и развитие оскорблением и обузой для своего я. Истинный революционер, в благороднейшем значении этого слова, без противоречия между сознанием и делом. Много своего лучшего внес Лео в дело жизни Розы Люксембург. Его неослабная, несокрушимая энергия и его творческая критика не мало содействовала тому, что брошюра Юниуса была создана так скоро и так мастерски, и его железной воле обязаны мы тем, что она была отпечатана и распространена, несмотря на все исключительные трудности осадного положения. Контрреволюционеры знали, что делали, когда через несколько недель после убийства Розы Люксембург они умертвили также и Лео Йогихеса, якобы при "попытке к побегу" в той же самой Моабитской тюрьме, из которой убийца Розы был увезен среди бела дня в элегантном частном автомобиле.

Брошюра Юниуса была индивидуальным революционным подвигом. Она должна возбудить революционное массовое действие, массовый подвиг. Она полна того динамита духа, который взорвет буржуазный порядок. Вырастающее на его месте социалистическое общество будет единственным памятником, достойным Лео Йогихеса и Розы Люксембург. Революция, ради которой они жили и умерли, уже работает над созданием этого памятника.

*Клара Цеткин,
Май 1919 г.*

I

Сцена совершенно переменилась. Шестинедельный поход на Париж превратился в мировую драму; массовая бойня превратилась в утомительное повседневное занятие, не имеющее лозунга ни «вперед», ни «назад». Буржуазное государственное искусство поймано в тиски из своего собственного железа. Вызванных однажды духов не могут вставить исчезнуть.

Туман рассеялся. Исчезли патриотические крики на улицах, скачка на позолоченных автомобилях, фальшивые, перегоняющие друг друга телеграммы об отравленных холерными бактериями колодцах, о бросающих на всех улицах Берлина бомбы русских студентах, о летающих над Нюрнбергом французах; исчезли уличные эксцессы публики, разыскивающей шпионов; беснующиеся толпы людей в кондитерских, где в высочайшие цилиндры бьет оглушительная музыка и патриотическое пение; городскому населению надоело представлять собой чернь, готовую доносить, оскорблять женщин, кричать ура и подстегивать самих себя диким криком и бредом; несколько очистилась атмосфера ритуальных убийств, воздух Кишинёва, когда городской на углу улицы являлся единственным представителем человеческого достоинства.

Правительство отсутствует. Немецкие ученые, "блуждающие лемуры", давно уже выговорились, поезда рекрутов уже не сопровождаются более громким восторгом бегущих за ними молодых женщин, солдаты уже не приветствуют народ радостной улыбкой из окон своих вагонов; они тихо проходят по улицам, где с раздраженными лицами снует по своим обычным делам публика.

В сырой атмосфере свинцового дня звучит другой хор: хриплый крик коршунов и гиен с поля битвы: "десять тысяч полотнищ для палаток, гарантированных предписанием, могут быть немедленно доставлены". 100.000 кило сала, какао в порошке, кофе-суррогат и чистого кофе! Гранаты, вертящиеся скамейки, патронташи, посредничество по женитьбе с женами убитых, кожаные пояса, посредничество по снабжению войск – первые попавшиеся предложения! Погруженное в августе и сентябре патриотически настроенное пушечное мясо гниет в Бельгии, Вогезах, в Мазурах на полях, удобренных мертвыми костями, на которых мощно расцветает прибыль. Кажется, жатва будет скоро собрана в житницы. Через океан протягиваются тысячи жадных рук, чтобы принять в ней участие.

Торговля тучнеет на развалинах. Города превращаются в кучи мусора, деревни – в кладбища, поля в пустыни, население в нищих, церкви в конюшни; права народов, государственные соглашения, союзы, святые слова, высшие авторитеты разрываются в клочья; каждый властелин "милостью божьей" становится аферистом и предателем, каждый дипломат – величайшим негодяем по отношению к своим коллегам с враждебной стороны, каждое правительство клеймит величайшим презрением другое; муки голода в Венеции, Лиссабоне, Москве, Сингапуре; чума в России, нищета и отчаяние повсюду!

Пристыженное, обесчещенное, по колена в крови, запачканное грязью стоит перед нами буржуазное общество. Оно показывает свое подлинное лицо, не в скромном и привлекательном виде культурности, философии, этики, мира и государственного права, но в образе хищного животного, – в шабаше анархии, в гибели культуры и человечества.

Посреди этого шабаша ведьм произошла мировая катастрофа, – капитуляция интернациональной социал-демократии. Самое ужасное и нелепое, что только могло произойти для пролетариата – это дать себя обмануть и провести таким образом. "Демократ, – (т. е. революционный мещанин) говорит Маркс, – выходит также непорочно из самого позорного положения, насколько невинно он туда попадает; с приобретенным убеждением, что он должен победить, но не потому, что он и его партия отступят от своей старой точки зрения, но, наоборот, потому что переменяются обстоятельства". Современный пролетариат выходит иначе из исторического испытания. Его ошибки так же гигантски-велики, как и его задачи.

Дорогу, по которой он должен идти, ему не может указать ни раз навсегда предусмотренная схема, ни какой-либо непогрешимый руководитель. Его единственный учитель – исторический опыт, его тернистый путь к освобождению покрыт не только неизмеримыми страданиями, но и бесчисленными ошибками. Цель его пути – его освобождение – зависит от того, сумеет ли пролетариат научиться на своих собственных ошибках. Самокритика – беспощадная, резкая, доходящая до корня вещей, самокритика является живительным светом и воздухом пролетарского движения. Падение социалистического пролетариата и настоящую, мировую войну не имеет себе равного, оно является несчастьем для всего человечества. Но социализм погибнет только тогда, если мировой пролетариат не захочет понять глубины этого своего падения и ничему из этого не научиться.

В настоящее время стоит под вопросом весь последний 45-ти летний период развития современного рабочего движения. То, что мы переживаем теперь, есть критика и подведение итогов под результатами нашей работы в течение почти половины столетия.

Могила Парижской Коммуны завершила собой первую фазу рабочего движения в Европе и первый Интернационал. Началась новая фаза... Вместо революций, восстаний, баррикад, после которых пролетариат каждый раз снова впадал в свое пассивное состояние, завязалась систематическая повседневная война, использование буржуазного парламентаризма, массовых организаций, объединение экономической борьбы с политической и социалистического идеала с упорной защитой ближайших интересов дня. Впервые дело пролетариата и его эмансипации осветилось путеводной звездой строго-научного учения.

Вместо сект, школ, утопий, экспериментов, производившихся в каждой отдельной стране, на свой собственный страх и риск, появилось объединяющее интернациональное теоретическое учение, охватывающее все времена и все страны. Марксистское познание дало всему рабочему классу компас в руки, чтобы правильно держаться у кормила событий дня и чтобы направлять свою повседневную боевую тактику к неизменной конечной цели.

Немецкая социал-демократия была носительницей и хранительницей этого нового метода. Война 1870 года и поражение Парижской Коммуны перенесли центр тяжести рабочего движения в Германию. Как Франция была классическим государством первой фазы пролетарской классовой борьбы, как Париж был в то время быющим окровавленным сердцем европейского рабочего класса, так немецкие рабочие стали авангардом второй фазы. Ценой бесчисленных жертв, непрестанной черной работой они построили свои сильные и прочные организации, создали большую прессу, средства образования и просвещения, объединили вокруг себя могущественные массы избирателей, добились многочисленных представителей в парламенте. Немецкая социал-демократия стала истинной носительницей марксистского социализма. Она занимала с полным правом исключительное место руководительницы и учительницы второго Интернационала. Фридрих Энгельс в 1895 году писал в своем знаменитом предисловии к книге Маркса "Борьба классов во Франции": "Что бы ни произошло в других странах, немецкая социал-демократия занимает исключительное место и поэтому, по крайней мере, в ближайшем будущем, имеет особую задачу. Два миллиона избирателей, которых она посылает к урнам, вместе со стоящими за ними, не являющимися еще избирателями, молодыми мужчинами и женщинами, образуют многочисленную компактную массу, мощное ядро интернациональной пролетарской армии". Немецкая социал-демократия была, как писала Венская Рабочая Газета от 5 августа 1914 года: "драгоценным камнем в организации классово-сознательного пролетариата". По ее следам все энергичнее и энергичнее шла французская, итальянская, бельгийская социал-демократия, развивалось рабочее движение Голландии, скандинавских стран, Швейцарии, Соединенных Штатов. Славянские же страны – Россия и социал-демократия Балкан – смотрели на нее с безграничным, лишенным почти всякой критики, удивлением. Во втором Интернационале немецкое "мощное ядро" играло руководящую роль. На конгрессах, на заседаниях Интернационала, на социалистическом бюро все прислушивались

к мнениям немцев. Да. Германская социал-демократия всегда решительно выступала как раз в вопросе борьбы против войны и империализма. "Нельзя отнять у нас, немцев" то, что нам удавалось определять направление политики Интернационала. Такое отношение к немецкой социал-демократии было преобладающим и среди международного пролетариата. Со слепым доверием он отдался руководству удивительной, мощной немецкой социал-демократии, она была гордостью каждого социалиста и ужасом для господствующих классов всех стран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.